

ЯГОДКИН Анатолий Александрович / YAGODKIN Anatoliy

Московский педагогический государственный университет, Институт истории и политики, кафедра новой и новейшей истории / Moscow State University of Education, Institute of History and Politics, Department of Modern and Contemporary History
Россия, Москва / Russia, Moscow
yagodkinanatoly@yandex.ru

ФИНЛЯНДИЯ ГЛАЗАМИ ИСПАНЦА. «ПИСЬМА ИЗ ФИНЛЯНДИИ» АНХЕЛЯ ГАНИВЕТА

FINLAND THROUGH THE EYES OF A SPANIARD. ÁNGEL GANIVET'S FINNISH LETTERS

Abstract: The article analyses *Finnish Letters* by a Spanish writer Ángel Ganivet (1865—1898). He wrote them in 1896—1898, when he was the Consul of Spain in Helsinki. Ganivet is known for his deep interest for the problems of national character. The article considers *Finnish Letters* in the context of Ganivet's philosophical views and the contents of his other works on the problem of national character. Ángel Ganivet's *Finnish letters* are represented as a valuable source for the study of the cultural ties between Spain and Finland and the problems of representation of national culture.

Ключевые слова / Keywords: Испания, Анхель Ганивет, «Письма из Финляндии», финская культура, национальный характер, «Калевала» / Spain, Ángel Ganivet, *Finnish letters*, Finnish culture, national character, *the Kalevala*.

Анхель Ганивет-и-Гарсия (1865—1898) — испанский писатель и философ, путешественник и дипломат, уроженец Гранады. В испанистике Ганивет рассматривается как один из основоположников идей «Поколения 1898 года»¹. Под «Поколением 1898 года» в историографии и литературоведении принято понимать группу испанских интеллектуалов, остро переживавших в своём творчестве проблемы исторического развития Испании².

Жизнь Анхеля Ганивета пришлась на период, когда Испания вступала в сложный этап своей истории, в эпоху общенационального и ментального кризиса. Ганивет стал одним из авторов, заложивших основы осмысления «Испании как философской проблемы». Главным его философским трудом считается «Испанская идеология»³, в этой книге он изложил свои взгляды на судьбу, прошлое и будущее родной страны, а также оформил свою концепцию «национального характера» и «национальной культуры». Писателя волновали проблемы исторической судьбы народов, культурного своеобразия и национального менталитета. Именно эти сюжеты стали центральными в

¹ См., например: Тертерян И. А. Испытание историей: очерки истории Испанской литературы. М., 1973. С. 30.

² Там же.

³ Исп. «Idearium español». В историографии используется несколько вариантов перевода названия: «Испанская идеология», «Испанское мировоззрение», «Свод испанских идей». Ganivet A. Idearium Español. 2da ed. Madrid, 1905. URL: <https://archive.org/stream/ideariumespaol00ganigoog#page/n7/mode/2up> (30.04.2016).

творчестве Ганивета и были разработаны в его главных произведениях: «Испанская идеология», «Прекрасная Гранада» и художественном романе «Пио Сид».

Профессиональная дипломатическая деятельность сделала его «писателем, лишённым родины». Размышлять о проблемах родной страны ему приходилось, находясь на чужбине. «Выбранная дорога отделила его от Испании, от своей матери, от своих друзей», — пишет Мельчор Фернандес Альмагро⁴. По долгу службы Ганивет много путешествовал, он был полиглотом, соприкасался с культурой других стран и народов. Ему довелось работать консулом в Антверпене, Ганновере, а также на территории Российской империи в Гельсингфорсе и Риге.

Анхель Ганивет прибыл на дипломатическую службу в Гельсингфорс в 1896 г. Здесь, в Финляндии, он дописал «Испанскую идеологию», которая была опубликована на родине и вызвала «оживление» и полемику в кругах испанских интеллектуалов. На родину он больше не вернулся, его жизнь оборвалась во время исполнения дипломатической миссии в Риге, куда он отправился после пребывания в Гельсингфорсе. Писатель покончил с собой в возрасте 32 лет, в марте 1898 г., не дожив нескольких месяцев до трагических событий, которые стали переломным моментом в истории Испании и дали импульс «Поколению 1898 года»⁵.

В рамках данной работы рассматривается «финский этап» жизни и творчества Анхеля Ганивета. Во время своего пребывания в качестве консула в Гельсингфорсе Ганивет написал «Письма из Финляндии»⁶, в которых отразил свой взгляд на современную ему Финляндию, рассмотрел проблемы финской культуры и менталитета.

Несмотря на то что последние три года жизни писателя были связаны с нашей страной и проблемы России и её национальных окраин были затронуты в творчестве автора, в России фигура и творческое наследие Анхеля Ганивета остаются недостаточно известными. В российской историографии можно выделить всего две специальные работы, посвящённые анализу жизни и творчества мыслителя, в которых отражены его

---

⁴ Цит. по: *Lopez Burgos M. A. Literatura de viajes: las cartas finlandesas // Estudios sobre la vida y la obra de Ángel Ganivet: a propósito de las Cartas finlandesas / ed. de Mª Carmen Díaz de Alda Heikkilä. Madrid, 2000. P. 179.*

⁵ Имеется в виду поражение Испании в Испано-американской войне и подписание Парижского мирного договора в декабре 1898 г., по которому Испания лишалась своих последних колоний — Кубы и Пуэрто-Рико. Это событие обозначило окончательный распад испанской колониальной империи и оказало большое влияние на интеллектуальное сообщество.

⁶ Исп. «Las cartas finlandesas», дословно — «Финские письма». В российской историографии чаще используется вариант «Письма из Финляндии», он встречается в работе Кирилла Корконосенко (*Корконосенко К. С. Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели. Писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 206—223*), а также в русском переводе статьи Фермина дель Пино Диаса: *Пино Диас Ф., дель. Пограничье и идентичность в понимании «Поколения 1898» // Пограничные культуры между Востоком и Западом: (Россия и Испания). СПб., 2001. С. 128.*

связи с российскими территориями. Это статьи А. И. Саплина⁷ и К. А. Корконосенко. Последняя посвящена непосредственно пребыванию Ганивета в России и в Финляндии и носит название «Посланник испанской культуры»⁸. Петербургский исследователь прилагает к своей статье перевод записки Ганивета «Испания и Россия: новые торговые горизонты». Это единственный текст Ганивета, переведённый на русский язык, его художественные и философские произведения остаются недоступными русскоязычному читателю.

Настоящая статья является предварительным этапом более серьёзного исследования «финского этапа» творчества Ганивета и культурно-исторических связей Испании с Финляндией и регионами Русского Севера. Её целью является рассмотрение «Писем из Финляндии» в контексте творческого наследия и философско-мировоззренческих установок писателя. Подобный ракурс позволяет затронуть ряд актуальных проблем современной гуманитарной науки, таких как проблемы «национального характера» и основ национальной культуры и менталитета, интерпретации чужой культуры. Данная работа рассматривает ряд сюжетов «Писем из Финляндии», интересных с точки зрения обозначенных выше проблем, а также их роль в исследовании «образа Финляндии» в глазах иностранцев с точки зрения взаимодействия и взаимопонимания национальных культур.

«Письма из Финляндии», или «Финские письма», состоят из двадцати двух глав «писем». Главы достаточно велики по объёму и не похожи на письма в классическом понимании, как образцы эпистолярного жанра. Скорее, это философско-публицистические эссе, в каждом из которых Ганивет рассматривает какую-то проблему финской жизни, культуры, истории, менталитета. Письма имеют свои названия, в них обозначается рассматриваемая проблема, и зачастую кратко резюмируется содержание письма. Уже из названий можно понять специфику и некоторые особенности произведения Ганивета, о которых речь пойдёт ниже. В названиях глав и в тексте «Писем» Ганивет называет себя «корреспондентом».

Первое письмо — вводное, в нём «корреспондент обозначает намерения». Здесь Ганивет формулирует основные цели и мотивы, которые побудили его к написанию «Писем из Финляндии».

В Испании в конце XIX в. немного знали о России и Финляндии. Направление Ганивета на службу в Россию вызвало большой энтузиазм у испанских коллег писателя. Виднейший представитель интеллектуального сообщества Испании того периода

---

⁷ Саплин А. И. Испанский мыслитель Анхель Ганивет // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 183—193.

⁸ Корконосенко К. С. Анхель Ганивет.

Мигель де Унамуно, которого всегда интересовала Россия, в начале 1898 г. писал в письме своему другу Анхелю Ганивету: «Испании не хватает человека подлинного ума, способного передать свои впечатления от всего русского. Вы не только консул испанского государства, но и посланник своей родной культуры. Вы сможете сделать много и очень много, чтобы познакомить нас с чужой душой»⁹. Ганивет откликнулся на просьбу друга и написал несколько заметок о России, одну из которых представил русскому читателю К. С. Корконосенко. В «Письмах из Финляндии» Ганивет также не мог обойти стороной Россию.

Реакция испанских интеллектуалов на дипломатическое назначение Ганивета показывает, с одной стороны, интерес испанской интеллигенции к России и её национальным окраинам, а с другой стороны, недостаточное понимание выдающимися представителями испанской мысли специфики исторической географии России и национально-культурных особенностей областей Российской империи в границах конца XIX в. Это обстоятельство определяет один из основных посылов «Писем» Ганивета и усиливает их значимость для исследования проблемы «диалога культур» в рассматриваемую эпоху.

Финляндия, национальная окраина Российской империи, представлялась испанцам загадочным и экзотическим краем. В начале своих «Писем из Финляндии» писатель отмечает, что ему поступали многочисленные просьбы гранадских коллег «делиться новостями» из этих далёких мест¹⁰. Свои письма Ганивет представил как «удалённый курс лекций», который он мог бы прочесть на кафедре Гранадского университета, где преподавал до поступления на дипломатическую службу. Не случайно он начинает писать их 1 октября — в день, когда в университетах Испании начинается учебный год.

Стоит заметить, что в самой Финляндии «Письма» Ганивета остаются недостаточно заметными на фоне прочих произведений, написанных иностранцами о Финляндии. На финский язык они были переведены только во второй половине XX в. и не снискали большого интереса у исследователей. Даже в академических кругах Финляндии немногие знают, кто такой Ганивет. На это обстоятельство обращает внимание финский учёный, профессор Хельсинкского университета Эррки Виерикко¹¹.

Недостаточная популярность писем у финской общественности может быть вызвана своеобразием жанра и выбранным форматом произведения. Оно было адресовано соотечественникам и преследовало цель дать самые общие сведения о

⁹ Цит. по: Саплин А. И. Испанский мыслитель Анхель Ганивет. С. 187.

¹⁰ Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta I [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/cartas-finlandesas-hombres-del-norte--0/html/feda7046-82b1-11df-acc7-002185ce6064_1.html#I_0 (11.08.2016).

¹¹ Vierikko E. Las Cartas finlandesas de Angel Ganivet vistas por finlandesas [Электронный ресурс]. URL: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/aepe/pdf/boletin_18_10_78/boletin_18_10_78_15.pdf (10.10.2016).

различных областях финской жизни. Они интересны в контексте проблемы «диалога культур» и «интерпретации чужой культуры», исследуемых в рамках имагологии.

«Письма из Финляндии» Ганивета разительно выделяются на общем фоне свидетельств иностранцев о пребывании в других странах и прочих произведений, которые можно отнести к «путевой литературе». На эту разницу обращает внимание М. А. Лопес Бургос, рассматривая «Письма» в контексте «*literatura de viajes*». Исследовательница объединяет под этим названием такие жанры, как военные хроники, судовые книги моряков, дневники экспедиций в далёкие земли, записки послов¹². «Письма из Финляндии» можно было бы отнести к последнему виду, однако их автор был, скорее, писателем, чем дипломатом.

Несмотря на то что основной целью произведения было рассказать соотечественникам о далёкой стране Финляндии, Ганивет не останавливается на описании природы, своего пути, не уделяет должного внимания этнографии, как это часто бывает при создании путевых заметок. Он описывает свои впечатления, то, что видит и слышит вокруг, пропуская это через собственное понимание, собственный опыт и собственную трагедию.

Его записки о Финляндии — не просто взгляд обывателя, а философское осмысление другого народа. Во многом именно по этой причине «Письма из Финляндии» — любопытный и ценный источник для историков и литературоведов, занимающихся проблемами национальной культуры и её репрезентации.

Жанровое своеобразие «Писем» определяется их философичностью, глубоким личным отношением автора к проблеме «национального характера» и судьбы народов. Эти проблемы можно считать центральными в творчестве Анхеля Ганивета. Идеи, изложенные в его произведениях, которые посвящены Испании, находят отражение и в «Письмах из Финляндии». Одной из особенностей, отличающих их от этнографических записок и прочих свидетельств иностранцев, можно назвать универсальность. Описывая различные стороны финской жизни, Ганивет, в особенности в начале, обращается к главным вопросам национальной и мировой истории — национальному, этническому вопросам, факторам развития культуры и анализирует их на финском материале. Финляндия и финский народ рассматриваются в произведении Ганивета не сами по себе, а в контексте мировой истории. Автор демонстрирует нам свою эрудицию и хорошее знание основных проблем гуманитарной науки, которые он трактует в рамках своей концепции. При этом Ганивет признаётся, что пребывая на чужой земле, он всегда

---

¹² *Lopez Burgos M. A. Literatura de viajes. P. 180.*

ассоциирует себя с местным населением, не отрекаясь при этом от «испанской нации»¹³. Вопрос о финской идентичности волей-неволей становится центральным в «Письмах», писатель осмысливает его с глубоким личностным чувством. В этом отношении «Письма из Финляндии» интересно рассматривать в контексте творчества и судьбы Анхеля Ганивета как патриота, лишённого родины, и писателя, которого всегда волновала проблема «судьбы народа».

При рассмотрении «Писем» невольно напрашиваются параллели с «Испанской идеологией», особенно если учесть, что писались эти работы практически одновременно. Автор невольно соотносит «испанскость» и «финскость», рассматривает финскую культуру, исходя из своего мировоззрения и оперируя философскими построениями, заложенными в «Испанской идеологии». Испания и Финляндия, такие разные в культурном, географическом, политическом и историческом смысле страны, — разве может быть между ними что-то общее? Ганивет невольно задаётся этим вопросом, смотря на Финляндию глазами испанца. Одной из основ национальной идентичности в представлениях Ганивета является «дух народа» и его слияние с природой, а также географическая обусловленность, «дух территории». Автор строит свои рассуждения об особенностях тех или иных народов, исходя из условий жизни, климата и местоположения государства. Именно эти факторы, по Ганивету, влияют на образ мыслей. Отсюда разделение южного и северного менталитетов, на разницу которых Ганивет обращает внимание в первом, «вводном», письме: «Южное воображение рисует северные картины, как ему заблагорассудится». С изрядной долей юмора Ганивет стремится развенчать существующий стереотип, в рамках которого северяне представляются как «мужчины, похороненные под снегом, выходящие иногда, чтобы подышать свежим воздухом и выкурить сигаретку в приятном разговоре с северными оленями, медведями и тюленями»¹⁴.

Идея «духа территории» является главной для анализа «испанскости» в «Испанской идеологии» и для поиска «финскости» в «Письмах из Финляндии», проходя красной нитью через всё произведение. Важным фактором для Ганивета также является историческая роль тех или иных народов и их взаимоотношения с другими культурами. Для Испании это её «имперская роль» создателя других народов, которую Ганивет считает исторически неоправданной. У Финляндии же совершенно другая, оправданная её территориальным духом, историческая роль, роль угнетённого народа, находящегося

---

¹³ *Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta III.*

¹⁴ *Ibid. Carta I.*

на протяжении всей истории между шведской и русской культурами, что во многом определяет особенность финнов и является их исторической трагедией.

Во втором письме Ганивет обращается к проблеме этнического происхождения населения Финляндии, он предлагает читателю «беглый взгляд на основные европейские этнические группы»¹⁵, среди которых он ищет место финнов. В самом названии письма «финское ядро» определяется как маленькая часть скандинавской группы. Ганивет догадывается, что финское население не имеет этнических связей с народами индоевропейской группы. При этом автор указывает на большие языковые различия между народами Скандинавии, а венгра он называет «этническим братом» финна¹⁶. Он предполагает, что финны формируют отдельную «финно-угорскую группу», сильно подверженную «русификации», и выделяет несколько этнических типов, живущих на территории Финляндии, среди которых доминирующим считается финско-шведский тип.

В «Письмах» есть замечательный образ, при помощи которого Ганивет описывает современную ему Финляндию. Он представляет её похожей на дом, в котором «живут многие. На первом этаже живут русские — их совсем мало, они здесь хозяева. На втором — шведы, или финны, попавшие под влияние шведской культуры и забывшие родной язык и обычаи, в подвалах и чердаках, то есть во внутренней части страны, живут настоящие финны, законные хозяева»¹⁷. Главный исторический вопрос финнов — кем им быть, шведами или русскими, а главная историческая цель — остаться при этом финнами.

Описывая эту историческую проблему Финляндии, Ганивет обращается к сложному и дискуссионному национальному вопросу, пытаясь примерить к Великому княжеству Финляндскому различные, существовавшие тогда теории строения наций¹⁸. Он доказывает бесполезность всех упомянутых теорий, что отражается в названии одного из писем. Как известно, в Испании, с которой Ганивет неизбежно соотносил любой край, где ему довелось побывать, национальный вопрос является одной из наиболее острых исторических проблем. «Не было такого способа, чтобы организовать нации настолько удачно, чтобы каждая из них вмещала одну национальность», — пишет он. В основе проблемы «организации наций лежит внутренняя проблема каждой нации», которая проявляется на пограничных территориях или в колониях, если у государства,

---

¹⁵ Ibid. Carta II.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Цит. по: Корконосенко К. С. Анхель Ганивет. С. 109.

¹⁸ Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta III.

которое образует эта нация, есть колонии¹⁹. Ганивет не оперирует словом «государство», подменяя его словом «нация». Автор дифференцирует понятия «нация» (*nación*) и «национальность» (*nacionalidad*). В рамках концепции Ганивета эту дефиницию можно понимать следующим образом: *nación* — понятие более широкое. Так, в испанскую нацию, например, входят не только кастильцы, но и галисийцы, каталонцы, баски и народы Латинской Америки. Каждый из них можно определить как *nacionalidad*, которой Ганивет приписывает следующие признаки: раса, язык, религия, традиции и обычаи. В действительности Испания всегда была страной пёстрой в этническом и культурном плане, с сильными региональными традициями, то же самое можно сказать и о России, и о многих других крупных национальных государствах, которые включают народы более мелкие. Финляндия является примером, не вписывающимся в эту схему, находясь между двумя *naciones* и испытывая их влияние, финны не относятся ни к той, ни к другой (в отличие от басков, каталонцев, галисийцев и латиноамериканцев, которых при всех их особенностях можно отнести к единой общности, называемой «испанская нация»). Подобная интерпретация соотносится с существовавшей в европейском интеллектуальном дискурсе XIX в. концепцией государства-нации, а также с распространённым в историографии понимании XIX столетия как века «империй и национализма»²⁰. Это делает произведение Ганивета интересным в общеевропейском контексте истории национализма. Его концепция демонстрирует различный статус и характер интерпретации национальных окраин в рамках Российской и Испанской империй.

Специфичность Финляндии Ганивет объясняет через географический фактор. В своей «Испанской идеологии» он выделяет «островной», «полуостровной» и «равнинный» типы государства-нации²¹. Испания относится к полуостровному государству, а Россия — к равнинному, чем объясняется разница колониальной политики двух стран. Географическим положением он объяснял и специфику Финляндии, указывая, что Скандинавия — «не совсем определённый полуостров»²², который не имеет перешейка или естественной преграды (как Пиренеи), его пределы произвольны, в результате чего финские территории делятся пополам. Среди возможных границ Финляндии Ганивет называл линии между Финским заливом и Ладогой, между Ладогой и Онегой и между последним и Белым морем²³, то есть территории, относящиеся к современной Карелии. Сразу оговоримся, что Ганивет оперировал не политическими

¹⁹ Ibid.

²⁰ Миллер А. И. Модерные империи // Политическая наука. 2013. № 3. С. 35.

²¹ Саплин А. И. Испанский мыслитель Анхель Ганивет. С. 190.

²² Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta III.

²³ Ibid.

границами Великого княжества Финляндского, а границами «финских территорий» в этнокультурном и историческом плане. Вероятнее всего, говоря о «финском» и «финнах», их этнической и географической обособленности «между двумя метрополиями», Ганивет подразумевал в том числе и малые народы Карелии, относящиеся к финно-угорской группе.

Ощущая многообразие национальных и иностранных культурных веяний, Ганивет не мог удержаться от сравнения Финляндии с родной Андалусией, в которой со времён Реконкисты был достаточно силен арабский культурный элемент, притом что в актуальную эпоху развитие шло во взаимодействии и «испанского», и «цыганского» элементов. Таким образом, он невольно соотносит «финский национальный элемент» в составе русского государства с «андалусийским цыганством», погребённым в недрах испанской культуры.

Ганивет ощущал переплетение русского, финского и шведского элементов в современной ему финской действительности, но при этом рассматривал Финляндию как часть России (Российской империи). Будучи представителем государства с «великим, но трагичным» колониальным прошлым, Ганивет обращал внимание на особенность «российской колониальной империи». Его описание «русской роли» в жизни Финляндии и финнов идёт в разрез с представлением о России как «тюрьме народов». Писатель отмечает, что своим культурным и политическим развитием Финляндия во многом обязана России. Ганивет допускает оценочное суждение о том, что финны лучше, чем русские²⁴, но при этом отвергает идею о финской независимости. Главную особенность финской жизни и её зависимость от соседей писатель объясняет опять же через территориальную специфику. Территория Финляндии довольно велика, однако по причине сурового климата плохо заселена. Малое население Финляндии, по мысли Ганивета, не способно будет самостоятельно организовать оборону и политическое управление²⁵, в этом смысле «автономия» в составе России — лучшая историческая судьба для Финляндии.

Ганивет неоднократно замечает, что может оценивать Финляндию, лишь исходя из того, что он сам наблюдал, и судя по людям, которые его окружали. Описывая своё окружение, писатель замечает, что всегда доверял свои знакомства воле случая. Так получилось, что в Гельсингфорсе почти все его знакомые были женщины²⁶, поэтому в «Письмах из Финляндии» так много фрагментов, посвящённых «северным женщинам». Во многом на «женском примере» он описывает разницу между «финской» и

²⁴ Корконосенко К. С. Анхель Ганивет. С. 207.

²⁵ Там же.

²⁶ Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta X.

«испанской» ментальностью, отмечая, что «женщина — самый полезный источник информации».

Он пишет, что здесь можно иметь дружбу с женщиной без возникновения «более опасного чувства». В письме, описывающем социальное положение женщин, он указывает, что мальчики и девочки с младенчества обучаются вместе, общаются в одной компании, эти отношения продолжают и в дальнейшем общении. Женщина видит в мужчине товарища, коллегу, с которым может общаться как подруга, лишь в исключительных случаях отношения перерастают в более личное чувство — любовь (Ганивет использует шведское слово *kärlek*, которое в использованном издании его книги написано через диграф: *kaerlek*)²⁷.

Так, в Финляндии можно спокойно общаться с женщиной, бывать друг у друга в гостях, не опасаясь слухов о том, что эта женщина «хочет непременно выйти замуж и потому завела себе друга»²⁸. В Испании такое невозможно, это объясняется разницей в воспитании и восприятии друг друга представителями противоположных полов.

По Ганивету, северные женщины свободны, они живут не чувствами, а разумом, у них «ясная голова, и сердце функционирует, как хронометр», если северная женщина совершает глупость, то делает это «обдуманно».

Обращаясь к описаниям «финского женского характера», сделанным Ганиветом, не стоит забывать, что круг общения Ганивета, определявшийся его положением, должностью и местом проживания, ограничивался кругом интеллигенции и интеллектуалов. Среди своих знакомых женщин он упоминает художницу, студентку, служащую банка. Со многими из них он сходил на почву взаимного интереса к иностранным языкам, истории и культуре других стран. Отсюда возникает резонный вопрос: применимо ли сделанное Ганиветом описание северных женщин, например, к финской крестьянке? Можно предположить, что только отчасти.

Описывая круг своих знакомств в Финляндии, Ганивет вновь обращается к важной теме: к вопросу взаимного восприятия культур, образа чужой культуры. Он пишет о том, что его испанское происхождение вызывало у его финских знакомых интерес, но при этом финки не имеют какой-то определённой идеи относительно Испании, их представление об испанцах шаблонно, так же как и испанский взгляд на «северных людей», ироничное описание которого было приведено выше. Южные народы зачастую представляются северянам экспрессивными, горячими, страстными, при этом сам Ганивет отмечал, что своим поведением показывал «пример флегмы и спокойствия

---

²⁷ Ibid. Carta VIII.

²⁸ Ibid. Carta X.

многим финнам»²⁹. Испанец в глазах финской женщины казался чудачком, его невольно сравнивали с Дон Кихотом. Этот образ до сих пор воспринимается в мире как «истинный образец испанского характера». «Она считает меня сумасшедшим, не понимая, как можно быть идеалистом и при этом совершать безрассудные поступки и ребячества»³⁰, — так Ганивет описывает мнение о себе самом Марии Бергман.

Мария Бергман, урождённая Дьяковская, — русская женщина, соседка Ганивета, работавшая преподавательницей иностранных языков. Ганивет обратился к ней, чтобы выучить русский. Этим языком он так и не овладел на должном уровне³¹, но Мария стала его самой близкой «финской подругой», во многом именно она заставила его задуматься о «дружбе между мужчиной и женщиной» в том искреннем «северном» понимании, которое было приведено выше. Отношения Марии и Ганивета были чем-то средним между «дружбой по-фински» и «любовью по-испански». Сам Ганивет писал, что испытывает к ней иное чувство, чем к другим женщинам, хотя она более всех напоминает ему испанок. Исследователи биографии Ганивета отмечают значительную роль Марии Бергман на позднем этапе творчества писателя, их переписка продолжалась после отъезда писателя из Финляндии. Указывают также, что узнав о самоубийстве Ганивета, Мария отчасти испытывала вину за случившееся.

В связи с вышесказанным стоит затронуть также тему различий в понимании любви у финнов и испанцев, которую Ганивет также объясняет через «территориальный дух», определяющий «пределы финского характера»³². Лёгкость жизни в средиземноморском климате подогревает страсть, оживляет поиск идеальной любви, но также ведёт к ревности, ненависти, возвышенной борьбе за честь. Суровый климат северных территорий генерирует чувство другого рода (не случайно Ганивет использует шведское слово), именно условия жизни и климат порождают «свободу» финской женщины и побуждают её любить разумом. Пример северного проявления любви Ганивет находит в «Калевале», через содержание которой он объясняет многие особенности финской культуры и менталитета. Признание старого Вяйнямёйнена молодой Айно Ганивет называет «лаконичным», а самые страстные фразы, в представлении Ганивета, характеризуют любовь к матери.

---

²⁹ Ibid.

³⁰ Цит. по: *Корконосенко К. С.* Анхель Ганивет. С. 211.

³¹ Известно, что Ганивет был полиглотом. Саплин указывает в «послужном списке» Ганивета и русский язык. «Нужно сказать, что Ганивет так и не выучил русский... хотя в письмах он неоднократно сообщал о своём намерении заняться его изучением», — пишет К. С. Корконосенко, отмечая, что письма Марии Бергман из Риги он писал по-французски, «чтобы она могла их понять» (*Корконосенко К. С.* Анхель Ганивет. С. 212).

³² *Orriner N. R.* La vision diologista de Finlandia en cartas finlandesas // Estudios sobre la vida y la obra de Ángel Ganivet: a propósito de las Cartas finlandesas. P. 199.

Анализ Ганиветом «Калевалы» и «финской литературной традиции» — один из наиболее интересных и значимых сюжетов, затронутых в «Письмах из Финляндии», поэтому в завершение краткого рассмотрения писем стоит подробнее остановиться на нём. Живя у себя на родине в Гранаде, Ганивет занимался собиранием цыганского фольклора Андалусии и был редактором журнала «Defendor» (в переводе с испанского «Защитник»). Название издания можно считать говорящим, Ганивета действительно часто называют «защитником испанской культуры» и народной традиции. В этом отношении очевидна параллель между автором «Писем из Финляндии» и «финским врачом и лингвистом», как Ганивет называет Элиаса Лённрота, создателя «Калевалы». Испанский писатель без ложной скромности прибегает к такому сравнению.

Анализу «Калевалы» и финской фольклорной традиции посвящено 20-е письмо. Оно начинается с рассуждений о том, что первобытная, дохристианская эпоха оказалась наиболее значимой в культурной жизни финского народа. И действительно, финская литературная традиция остаётся малозаметной на фоне остальной Европы. Ганивет обращает внимание на этот феномен, задаваясь вопросом, почему у народа, имеющего столь богатую фольклорную и эпическую традицию, за всю историю не было создано ничего столь же значительного? Потому и высказывается мнение, что «Калевала» является стилизацией или вновь созданным произведением. Ганивет, однако, резко отвергает такую позицию, объясняя её спецификой исторического развития Финляндии. «Народ, подчинённый иноземному влиянию, не мог развернуться в своей свободе. Шведская культура, пересаженная Финляндии, задушила в зародыше местную культуру, и самый разумный возможный способ, — тот, к которому и прибегли финны: сохранить нетронутыми и спрятанными свои поэтические традиции, чтобы избежать их смешения и разложения»³³.

Вновь обращаясь к сопоставлению южного и северного, «финского» и «испанского», Ганивет сравнивает «Калевалу» со «средиземноморским» эпосом «Илиада». Сюжет обоих произведений разворачивается между двумя регионами-антагонистами — Грецией и Троей и Калевалой и Похьялой, но в отличие от первого случая дистанция между Калевалой и Похьялой оказывается «непреодолимой»³⁴. Он представляет «Калевалу» как подлинное произведение, которое населено персонажами, отражающими «дух территории», и которое не могло появиться ни в каком другом месте. Происхождение, сюжет и особенности «Калевалы» представляются Ганивету воплощением «подлинно финского духа». Душа народа, согласно его взглядам,

³³ *Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta XX.*

³⁴ *Orriner N. R. La vision dioligistica de Finlandia en cartas finlandesas. P. 199.*

формируется в первобытную эпоху и находит своё отражение в эпических сказаниях. Человек в древние времена отождествлял себя с территорией, и любовь к своей земле — один из важных лейтмотивов «Калевалы». Отсюда и понимание Ганиветом «любви к матери» как высшей формы любви, представленной в поэме. Любовь, по Ганивету, также является проявлением «духа земли». Воплощение «территориального духа» в поэме отражается даже в названии: Калевала — «земля детей Калевы»³⁵. Для Ганивета это подтверждает его идею о взаимосвязи «духа народа» и территории — идею, которая отражается во многих произведениях писателя и проходит красной нитью через его «Письма о Финляндии».

В завершение приведём небольшой отрывок из письма, посвящённого «Калевале» (Письмо XX. «Эпическая народная поэма “Калевала”»):

«Всё самое прекрасное и характерное в финской литературе возникает в героические дохристианские времена. Финский народ являет свой поэтический гений в изумительных творениях. Позже он замолкает, как тот, кто разом сказал всё, что должен был сказать, и прилагает усилия лишь для сохранения традиций этих первобытных творений. Скептик мог бы подумать, что финская народная поэзия была не первоначальным творением, но адаптацией. У народа, прожившего века и века в молчании, не могло быть такой вспышки велеречивости, как та, что обнаруживается в начале его истории. Однако сама эта история частично и объясняет аномалию. Народ, подчинённый стороннему влиянию, не может развернуться в своей свободе. Шведская культура, пересаженная Финляндии, задушила в зародыше местную культуру и самый разумный возможный способ, — тот, к которому и прибегли финны: сохранить нетронутыми и спрятанными свои поэтические традиции, чтобы избежать их смешения и разложения. Знаменательно, что повторное появление финской литературной традиции и, как следствие, воскрешение финской литературы было связано с окончанием физического и политического господства Швеции.

Первобытная литература Финляндии включает разнообразные жанры. Композиции лирического характера формируют большую коллекцию, названную “Кантелетар”. Это короткие песни на различные темы собственного сочинения, они поются в сопровождении *кантеле* — струнного инструмента, в первоначальном виде изобретённого мудрым героем Вяйнямёйненом. “Loitsurunot” — песни, относящиеся к магии, которая для первобытных финнов была сродни науке, видом натуральной философии. Объектом её было знание “изначальных слов”, или магических терминов, с

---

³⁵ Ibid. P. 198.

помощью которых, как считалось, можно было овладеть силами природы. Но ни одно из этих поэтических творений: ни легенды, ни фантастические рассказы, также представленные в изобилии, — не смогло передать великий полёт финского духа, грубого и энергичного, вынужденного существовать в постоянном противостоянии бесчеловечному климату. Его фундаментальным, не сказать уникальным, произведением стало поэтическое повествование об этой борьбе — «Калевала».

Главным сюжетом этих первобытных эпических песен была борьба между двумя территориями страны. Одна — на юге, Калевала, представляющая Суоми, или Финляндию. Другая, на севере, в Лапландии, где располагалось царство тьмы — Похья, или Похьяла. И у всех сражений был центральный мотив: они имели отношение к мельнице Сампо, которая является символом человеческого счастья и которая, даже исчезнув в море, продолжает даровать Финляндии процветание. С этим сюжетом были связаны многие песни: песнь о сотворении мира, песни Ёукахайнена, Айно, Куллерво и т. д.».

***

Сегодня многое из написанного Ганиветом о «Калевале» воспринимается как нечто тривиальное. Тем не менее нужно учитывать, что он писал это для испанцев и в период, когда с момента издания «Калевалы» прошло всего чуть более полувека и эпос был ещё малоизвестен европейцам. Ганивет стал первым испанцем, обратившимся к этой поэме. «Письма из Финляндии» интересны как характерный для своего времени пример анализа финской культуры в контексте мировой цивилизации, как попытка философского осмысления бытовых и культурных сюжетов финской жизни, а также как опыт сопоставления культурных традиций Испании и Финляндии. Используя общие концептуальные начала в «Испанской идеологии» и «Письмах из Финляндии», Ганивет предлагал механизмы восприятия чужой культуры и искал объяснения особенностей «духа народов» в различиях исторических условий. Он не просто описывал, а старался осмыслить чужой историко-культурный опыт в знакомых ему координатах. Конечно, «Письма» необходимо оценивать в контексте эпохи, в которую они были созданы, тогдашнего уровня развития гуманитарного знания и методологии, а также характера межкультурных взаимодействий в конце XIX в. Можно сказать, что «Письма из Финляндии» Анхеля Ганивета — одна из первых «ниточек» в последующих культурных связях Испании и России и в построении «взаимопонимания» двух народов с различными, если даже не диаметрально противоположными, историческими судьбами.

Список литературы

Корконосенко, К. С. Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» / К. С. Корконосенко // Дипломаты-писатели. Писатели-дипломаты. — Санкт-Петербург : Б. и., 2001. — С. 206—223.

Пино Диас Ф., дель. Пограничье и идентичность в понимании «Поколения 1898» / Ф. дель Пино Диас // Пограничные культуры между Востоком и Западом: (Россия и Испания). — Санкт-Петербург : Институт русской литературы РАН, 2001. — С. 123—133.

Саплин, А. И. Испанский мыслитель Анхель Ганивет / А. И. Саплин // Новая и новейшая история. — 1991. — № 3. — С. 183—193.

Lopez Burgos, M. A. Literatura de viajes: las cartas finlandesas / M. A. Lopez Burgos // Estudios sobre la vida y la obra de Ángel Ganivet: a propósito de las Cartas finlandesas / ed. De Mª Carmen Díaz de Alda Heikkilä. — Madrid : Castilla, 2000. — P. 176—183.

Orriner, N. R. La vision diologistica de Finlandia en cartas finlandesas / N. R. Orriner // Estudios sobre la vida y la obra de Ángel Ganivet: a propósito de las Cartas finlandesas / ed. De Mª Carmen Díaz de Alda Heikkilä. — Madrid : Castilla, 2000. — P. 197—203.

Vierikko, E. Las Cartas finlandesas de Angel Ganivet vistas por finlandesas / E. Vierikko [Электронный ресурс]. — URL: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/aepe/pdf/boletin_18_10_78/boletin_18_10_78_15.pdf. — (10.10.2016).